

Максим Козлов

Правила Игры

18+

Максим Козлов

Правила игры

«Автор»

2026

Козлов М.

Правила игры / М. Козлов — «Автор», 2026

Она — гениальный архитектор, сбежавшая от мужа-тирана в провинцию, чтобы начать жизнь с нуля. Он — бывший топ-менеджер, сосланный в тот же город советом директоров. Их компании конкурируют за крупный градостроительный контракт. Они начинают жесткую игру: обман, соблазнение, кража документов, публичные унижения. Каждый хочет победить. Но когда прошлое героини настигает её в виде опасного бывшего мужа, он делает выбор, который рушит все правила: ставит её жизнь выше контракта, денег и собственной репутации. «Правила игры» — это роман об интеллектуальном соперничестве, которое перерастает в нечто большее. О том, как две сильные личности учатся доверять, любить и строить не только дома, но и будущее. Для поклонников острых сюжетов, глубоких эмоций и историй, где герои идут до конца.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Правила игры

Глава 1

Она въехала в город в четыре утра.

Снег шел уже вторые сутки. «Форд» с арендованным прицепом тянуло влево, потому что левая передняя шина была спущена еще на трассе М-5, а запаску она поставила сама, но, видимо, недостаточно затянула гайки. Машина шла юзом на каждом повороте. Она держала руль мертвой хваткой.

Навигатор молчал. Экран погас за сто километров до цели, когда она отказалась платить за роуминг. Она помнила дорогу по карте, которую распечатала в московском офисе в последний рабочий день. На бумаге все выглядело проще: съезд с трассы, мост через реку, лесополоса, потом три километра по грунтовке и въезд в город со стороны промышленной зоны.

Грунтовок не было. Было поле, заваленное снегом, и бетонные плиты, которые кто-то сложил у края дороги. Она проехала мимо, потом сдала назад. «Форд» чихнул и заглох.

Она вышла из машины.

Ветер бил в лицо. Снег скрипел под ботинками. Она смотрела на бетонные плиты и понимала, что это не строительный мусор. Это были элементы фундамента. Кто-то начал строить здесь склад или цех, а потом бросил. Плиты лежали ровными рядами, занесенные по самый верх. Если бы она приехала днем, то могла бы разглядеть арматуру, торчащую из бетона, как ребра дохлого животного. Но сейчас была ночь, и фара выхватывала только белое и черное.

Она вернулась в машину. Завела с третьего раза. Объехала плиты по полю, уходя в снег по ступицы. Двигатель выл, но тянул. Она не останавливалась.

В город она въехала с восточной стороны, там, где кончались частные дома и начинались пятиэтажки из желтого кирпича. На улицах не было ни одной машины. Горели фонари, но свет от них падал вниз узкими конусами, и казалось, что город состоит из пятен света и длинных теней между ними.

Она нашла дом на улице Ленина. Это была стандартная пятиэтажка, обшитая серым сайдингом. Подъезд не запирался. Она занесла в прихожую две сумки с одеждой и коробку с чертежами. Остальное оставила в машине. Квартира была на четвертом этаже. Ключи ей прислали по почте вместе с договором аренды. Она открыла дверь, вошла и закрыла за собой.

В квартире пахло краской и холодом. Батареи были чуть теплыми. Она прошла на кухню, поставила чайник и села на подоконник.

Она смотрела на улицу.

Ничего не изменилось. Те же дома, те же фонари, тот же снег. Она прожила здесь первые восемнадцать лет, потом уехала в Москву, потом вышла замуж, потом стала архитектором, которого знали в профессиональных кругах, потом перестала быть собой. Теперь она вернулась. Это не было возвращением. Это был побег.

Чайник закипел. Она сделала чай, нашла в сумке пачку печенья, съела три штуки, не чувствуя вкуса. Потом легла на диван в гостиной, накрылась пальто и закрыла глаза.

Она не спала. Она слушала, как работает отопление, как ветер бьет в пластиковое окно, как где-то в подъезде хлопает дверь. Эти звуки были ей знакомы. Они не изменились за двенадцать лет.

В семь утра зазвонил телефон. Она посмотрела на экран. Номер был незнакомый. Она не взяла трубку. Через минуту пришло сообщение: «Вы сегодня заезжаете? Жду в офисе с 9 до 18. Илья».

Она ответила: «Я в городе. Буду».

Илья был главным инженером компании, которая наняла ее на аутсорс. Она не знала его лично. Они общались по почте и пару раз говорили по видео. Ей было наплевать, кто он. Ей нужна была работа, а ему — архитектор, который за две недели подготовит концепцию застройки восточного микрорайона. Платили мало, но этого хватало, чтобы снять квартиру и не умереть с голоду.

Она встала, нашла в сумке чистое белье и пошла в душ. Вода текла ржавая первые пять минут, потом стала прозрачной. Она мылась быстро, без удовольствия. Потом оделась: черные брюки, белая рубашка, серый свитер. Волосы собрала в хвост. В зеркале на нее смотрела женщина с острыми скулами и темными кругами под глазами. Она не красилась уже месяц. Ей было тридцать четыре, но сейчас она выглядела на все сорок.

Она вышла из дома в половине девятого.

Офис компании находился в здании бывшего НИИ на окраине. Трехэтажка из красного кирпича с выбитыми окнами на верхних этажах. На первом этаже работали два магазина и стоматология. На втором — офис «СтройИнвеста». Она поднялась по лестнице, где пахло машинным маслом и табаком. Дверь была открыта.

Внутри было чисто, но бедно. Мебель из ИКЕА, компьютеры пятилетней давности, на стенах — генплан города и несколько фотографий сданных объектов. В углу стоял кулер с водой. Рядом с кулером сидел мужчина в толстовке и читал планшет.

Он поднял голову, когда она вошла.

— Анна? — спросил он.

— Да.

— Илья. — Он встал и протянул руку. Рукопожатие было крепким, но коротким. — Я думал, вы приедете после обеда.

— Я выехала вчера.

— Из Москвы? — Он посмотрел на нее с уважением. — Одна? В такую погоду?

— Да.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Проходите. Я вам покажу ваше рабочее место.

Он провел ее в соседнюю комнату. Там стоял стол, компьютер, кресло и две доски для чертежей на стенах. На подоконнике — фикус в горшке, который давно не поливали.

— Здесь тихо, — сказал Илья. — Я не мешаю. У нас маленькая команда: я, два сметчика и бухгалтер. Все в соседней комнате. Вы будете работать одна. Если что-то нужно — скажите.

— Мне нужны исходные данные по участку. Топосъемка, геология, технические условия.

— Все есть на сервере. Я дам доступ.

Она села за стол и включила компьютер. Система загружалась медленно. Она смотрела на экран и ждала.

Илья задержался в дверях.

— Вы завтракали? — спросил он.

— Нет.

— Внизу есть столовая. Пирожки хорошие. Я могу принести.

— Не надо. Спасибо.

Он ушел. Она открыла папку с документами и начала читать.

Участок был сложный. Шесть гектаров на въезде в город, между железной дорогой и рекой. Уклоны, подтопление, старые коммуникации, которые нужно выносить. Заказчик хотел жилой комплекс с паркингом и детским садом. Бюджет был смешной. Сроки — нереальные. Но это была работа.

Она работала до двух часов дня, не поднимая головы. Потом встала, размяла шею и пошла к кулеру.

В коридоре она столкнулась с Ильей.

— Как успехи? — спросил он.

— Нормально. Участок сложный.

— Знаю. Поэтому мы и пригласили специалиста из Москвы.

— Я не из Москвы. Я отсюда.

Он удивился.

— Местная?

— Да. Родилась здесь. Уехала после школы.

— А сейчас вернулись?

— Да.

Он хотел спросить еще что-то, но она посмотрела на него так, что он закрыл рот.

— Понял, — сказал он. — Без личных вопросов.

— Спасибо.

Она налила воды и вернулась в комнату.

В четыре часа начались проблемы.

Она пыталась загрузить на сервер промежуточные расчеты, но связь прервалась. Она позвала Илью. Он пришел, покрутил провода, перезагрузил роутер.

— У нас интернет через спутник, — сказал он. — В такую погоду часто отваливается.

К вечеру должно восстановиться.

— Мне нужно отправить файлы до шести.

— Не отправите. Придется завтра.

Она сжала челюсть. В Москве она привыкла к тому, что все работает. Здесь все работало через раз. Она напонила себе, что сама выбрала эту жизнь.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра.

Она собралась уходить. Илья остановил ее в коридоре.

— Анна, слушайте. Завтра в девять у нас встреча с заказчиком. Я хотел бы, чтобы вы присутствовали.

— Какой заказчик?

— «Северная строительная компания». Они наши конкуренты, но по этому контракту мы объединяем усилия. Будет их представитель. Говорят, очень серьезный человек. Бывший топ-менеджер из Москвы.

— Мне не нужны встречи. Мне нужно работать.

— Я понимаю. Но технические вопросы будете отвечать вы. Я в этом не силен.

Она посмотрела на него. Ей было все равно, кто этот человек из Москвы. Ей было все равно на конкуренцию и на объединение усилий. Она хотела одного: закрыться в комнате и делать чертежи. Но она была здесь новым человеком, и ей нужны были деньги.

— Во сколько? — спросила она.

— В девять.

— Я приду.

Она вышла на улицу. Снег перестал. Небо было серым, низким, давило на крыши. Она пошла пешком, потому что машина осталась у дома. Город был маленьким. От офиса до ее квартиры было пятнадцать минут ходьбы. Она шла по улице Мира, мимо магазина «Продукты», мимо парикмахерской, мимо аптеки. Все было на своих местах. Даже вывески не поменялись.

Она остановилась у дома, где прошло ее детство. Трехэтажка с облупившейся штукатуркой. На первом этаже была ее школа. Теперь там был офис микрокредитной организации. Она посмотрела на окна третьего этажа, где когда-то жила ее бабушка. Бабушка умерла пять лет назад. Квартиру продали. В окнах висели чужие шторы.

Она пошла дальше.

Дома она съела еще печенья, запила чаем. Потом разобрала сумки. В одной из них был фотоаппарат. Она достала его, включила. На карте памяти были фотографии Москвы: небоскребы, набережные, ее последний проект — бизнес-центр на Пресне, который так и не построили. Она пролистала их быстро, не останавливаясь. Потом нашла фотографии мужа. Она удалила их все, не глядя.

Телефон зазвонил снова. На этот раз номер был московский, но незнакомый. Она не взяла трубку. Звонок повторился через пять минут. Она выключила звук и положила телефон экраном вниз.

Она легла на диван и уставилась в потолок. Потолок был белый, с трещиной, которая шла от люстры к углу. Она смотрела на эту трещину и думала о том, как двенадцать лет назад сидела в этой же комнате, на этом же диване, и смотрела на эту же трещину. Тогда она думала о том, как уедет. Теперь она думала о том, как остаться.

Она не заметила, как заснула.

Проснулась в час ночи от холода. Батареи стали совсем теплыми. Она встала, надела носки, свернулась калачиком и снова закрыла глаза.

Утром она пришла в офис в восемь сорок пять.

Илья был уже там. Он пил кофе и смотрел в окно. Увидев ее, он кивнул и сказал:

— Он приехал.

— Кто?

— Представитель «Северной строительной». Говорят, прилетел на вертолете из областного центра. В такую погоду.

— Вертолет?

— Да. Посадил на стадионе. У нас тут стадион заброшенный, но полоса бетонная есть. — Илья говорил с восхищением, как о чуде. — Там такие деньги, Анна. Говорят, он из Москвы, из большого бизнеса. Его совет директоров сослал сюда после какой-то авантюры. Но он все равно здесь главный.

— Мне все равно, — сказала она.

— Я понимаю. Но вы будете говорить по делу. Без эмоций. Хорошо?

— Я всегда говорю без эмоций.

Она прошла в свою комнату, взяла ноутбук и планшет с расчетами. Встреча должна была проходить в кабинете Ильи. Она зашла туда, села у окна и открыла файлы.

Он вошел без стука.

Она услышала его раньше, чем увидела. Шаги в коридоре были тяжелыми, уверенными. Дверь открылась, и он вошел.

Ей показалось, что в кабинете стало тесно.

Он был высокий, широкий в плечах, одет в темно-синий костюм без галстука. Лицо было жестким, с глубокими морщинами у рта и прямым, чуть приплюснутым носом — следом старой травмы. Волосы темные, коротко стриженные, с сединой на висках. Ему можно было дать сорок или пятьдесят. Глаза были серые, холодные, и они сразу нашли ее.

Он смотрел на нее три секунды. Потом перевел взгляд на Илью.

— Доброе утро, — сказал он. Голос был низкий, с хрипотцой. — Меня зовут Андрей Воронов.

— Илья Белов, главный инженер. — Илья встал и протянул руку. — Это Анна Градова, наш архитектор.

Воронов посмотрел на нее снова. Кивнул.

— Архитектор?

— Да, — сказала она.

— Из Москвы?

— Из Москвы.

— Я тоже из Москвы. — Он сказал это так, будто они были в одной лодке. Она не ответила.

Он сел напротив нее, положил на стол кожаный портфель и открыл его. Достал планшет, ручку, блокнот. Движения были быстрыми, точными.

— Я не буду тратить ваше время, — сказал он. — У нас есть два месяца, чтобы подать заявку на конкурс. Конкуренты — «ГрадСтрой» из областного центра и местная компания «Архитектон». Наша задача — сделать лучшее предложение. Я хочу понять, на что вы способны.

Она смотрела на него. Он не улыбался. Он говорил деловито, сухо, как человек, который привык, что его слушают и выполняют.

— Участок сложный, — сказала она. — Подтопление, перепады высот, старые сети. Если строить жилье, нужно поднимать уровень территории минимум на метр. Это увеличивает бюджет на тридцать процентов.

— Заказчик хочет уложиться в бюджет.

— Заказчик хочет, чтобы дом не поплыл весной. Я могу сделать концепцию, которая решит проблему с подтоплением за счет планировки. Но это потребует изменения технического задания.

Воронов посмотрел на нее внимательнее.

— Какие изменения?

— Сместить жилую застройку к восточной границе участка, где выше отметки. Западную часть сделать парковой зоной с искусственным рельефом. Это снизит объем грунта для отсыпки в три раза.

Он молчал несколько секунд. Потом достал из портфеля свернутые чертежи и разложил их на столе.

— Это предварительный генплан, который сделали местные архитекторы. — Он показал на схему. — Что скажете?

Она посмотрела на чертеж. Увидела типовую планировку: пятиэтажки, расположенные квадратами, парковка во дворах, детская площадка в центре. Это было решение для другого участка, с другим рельефом. Здесь это не работало.

— Это ерунда, — сказала она.

Илья дернулся.

— Анна...

— Я говорю правду. — Она подняла глаза на Воронова. — Этот проект нельзя строить. Если заложить фундаменты по этому плану, через три года дом начнет давать трещины. Грунты не выдержат.

Воронов смотрел на нее. В его глазах не было раздражения. Был интерес.

— Вы уверены?

— Я геологию смотрела. У вас на западной части участка торф на глубине два метра. На чертеже там стоит башня. Башня будет стоять на торфе. Я не знаю, кто это делал, но этот человек не читал отчет.

— Читал, — сказал Воронов спокойно. — Это работа главного архитектора города. Он утверждал этот генплан год назад. Заказчик его принял.

— Тогда заказчик получит проблемы через три года.

Воронов усмехнулся. Это была не улыбка. Это было движение мышц лица, которое ничего не выражало.

— Я люблю, когда люди говорят прямо, — сказал он. — Вы можете сделать новый вариант за две недели?

— Могу.

— Сделайте. Я хочу видеть концепцию, предварительные расчеты и визуализацию. Деньги не проблема. Сделайте хорошо.

Он встал. Илья тоже встал, быстро, нервно. Она осталась сидеть.

Воронов посмотрел на нее сверху вниз.

— Анна, вы будете работать на меня. Формально вы в штате «СтройИнвеста», но технически подчиняетесь мне. Если будут вопросы — звоните.

Он протянул ей визитку. Она взяла. На белом картоне было написано: «Андрей Воронов, Северная строительная компания», и номер телефона. Никакой должности.

Она убрала визитку в карман, не глядя.

— У меня есть вопрос, — сказала она.

— Слушаю.

— Почему вы пришли сюда сами? Вы могли прислать технаря. Зачем топ-менеджеру встречаться с рядовым архитектором?

Он посмотрел на нее. Пауза затянулась.

— Потому что я хочу знать, с кем работаю, — сказал он наконец. — Я не доверяю отчетам. Я смотрю в глаза.

Она встретила его взгляд. Он не отвел глаз. Это была проверка. Она поняла это и не дрогнула.

— Я сделаю концепцию, — сказала она. — К пятнице.

— Хорошо.

Он вышел. Шаги затихли в коридоре. Потом хлопнула входная дверь.

Илья выдохнул.

— Ты что творишь? — сказал он, переходя на «ты». — Это же большой человек. Нельзя так с ними.

— Я сказала правду. Вы хотите, чтобы я врала?

— Нет, но... аккуратнее надо.

Она встала и пошла в свою комнату.

Села за стол, открыла ноутбук. Руки дрожали. Она не понимала, отчего. От недосыпа, от голода, от адреналина. Она не боялась этого Воронова. Она вообще ничего не боялась после того, что пережила в Москве. Но что-то в нем было другое. Он смотрел так, будто видел насквозь. Будто читал ее историю по лицу.

Она заставила себя сосредоточиться на работе.

До пятницы было пять дней. Она не спала больше четырех часов в сутки. Она работала с утра до ночи, забывая про еду, про чай, про холод в квартире. Она чертила планы, считала нагрузки, моделировала рельеф в программе, которую никто в этом городе не умел использовать. Она делала то, что умела лучше всего. Она забывала себя в работе.

В среду вечером она шла домой и увидела его.

Воронов стоял у подъезда. Он курил, глядя на ее окна на четвертом этаже. Увидев ее, он бросил сигарету в снег и затушил ботинком.

— Как успехи? — спросил он.

— Откуда вы знаете, где я живу?

— Я знаю всё, что мне нужно знать.

Она остановилась в трех шагах от него.

— Вы следите за мной?

— Нет. Я проверяю тех, на кого трачу деньги. Вы работаете на меня. Я хочу знать, с кем имею дело.

— Вы могли спросить у Ильи.

— Илья сказал, что вы приехали из Москвы неделю назад. Сняли квартиру на улице Ленина. Ни с кем не общаетесь. Не выходите, кроме работы. У вас нет мужа, нет детей. Он не знает, почему вы уехали из Москвы.

— Это не ваше дело.

— Нет. — Он кивнул. — Не мое. Но я хочу быть уверен, что у вас нет проблем, которые отразятся на проекте.

— У меня нет проблем.

— У всех есть проблемы.

Она посмотрела на него. В свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня. Она подумала о том, что он, возможно, тоже бежал. Что его ссылка в этот город была не карьерным решением, а наказанием. Но она не стала спрашивать.

— Концепция будет готова в пятницу, — сказала она. — В десять утра. Приезжайте в офис.

Она прошла мимо него, открыла дверь подъезда и вошла.

Он не остановил ее.

Дома она сняла ботинки и села на пол в коридоре. Она сидела так пять минут, глядя на свои руки. Потом встала, включила ноутбук и продолжила работать.

В пятницу в десять утра она сидела в кабинете Ильи и ждала.

Воронов пришел без пяти десять. Один. Без свиты, без помощников. Он вошел, сел напротив и положил на стол телефон диктофоном вверх.

— Я записываю, — сказал он. — Чтобы потом не переспрашивать.

— Хорошо.

Она развернула планшет и начала.

Она говорила сорок минут. Она показала три варианта планировки, расчеты по нагрузкам, схему ливневой канализации, визуализацию фасадов. Она говорила сухо, по делу, цифрами и фактами. Никакой воды. Никаких эмоций.

Воронов слушал, не перебивая. Иногда он делал пометки в блокноте. Иногда смотрел на нее так, что ей хотелось проверить, не расстегнута ли у нее рубашка. Но он смотрел на чертежи, на ее руки, когда она показывала на экран. Он следил за логикой.

Когда она закончила, он молчал минуту.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Это уровень.

— Спасибо.

— Но есть одна проблема.

— Какая?

— Городской архитектор не утвердит это. Вы меняете его генплан. Для него это потеря лица.

— Я меняю его, потому что его вариант технически неверен.

— Я знаю. Но в этом городе все решают не технические вопросы.

Она посмотрела на него.

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю вам выступить на градостроительном совете. Лично. Объяснить чиновникам, почему ваш вариант лучше. Вы умеете убеждать?

Она вспомнила, как убеждала инвесторов в Москве. Как стояла перед советом директоров, доказывая, что их проект на набережной убьет всю эстетику района. Как они смотрели на нее, молодую женщину в дорогом костюме, и не верили ни одному слову. А потом она победила. Но это было в другой жизни.

— Умею, — сказала она.

— Хорошо. Совет через две недели. Я подготовлю документы. Вы готовьте выступление. Он встал. Собрал планшет, блокнот, телефон. Посмотрел на нее.

— Анна, вы знаете, что ваш бывший муж ищет вас?

Ей показалось, что пол ушел из-под ног. Она сидела неподвижно, глядя на него.

— Что? — спросила она.

— Ваш бывший муж. Алексей Градов. Он подал заявление о пропаже человека в Москве. Полиция начала розыск. Он дал ваши фотографии, описание. Он говорит, что вы психически неуравновешенны и можете причинить себе вред.

Она сжала руки под столом.

— Откуда вы знаете?

— У меня есть связи в Москве. Когда я проверял ваше прошлое, мой человек наткнулся на ориентировку. Вы пропали три недели назад. Не взяли телефон, не оставили адреса. Он очень влиятельный человек, ваш бывший муж. Он найдет вас.

Она смотрела на него. В голове было пусто. Потом пришла злость. Холодная, ясная злость.

— Вы сказали ему? — спросила она.

— Нет.

— Почему?

Он помолчал.

— Потому что я смотрел вам в глаза. Вы не психически неуравновешенны. Вы бежите. У каждого есть право бежать.

Она не знала, что сказать.

— Я не просила вас хранить мои секреты, — сказала она.

— Я их и не храню. Я просто не лезу в чужие дела. Но вы должны знать: он ищет. Если он найдет вас здесь, будут проблемы. Не только у вас. У меня тоже. Контракт на полмиллиарда рублей не любят, когда в нем участвуют люди с полицейскими ориентировками.

— Я не давала повода.

— Я знаю. Но это ничего не меняет.

Он взял портфель и направился к двери.

— Андрей, — сказала она.

Он остановился.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — ответил он, не оборачиваясь. — Работайте.

Он вышел.

Она осталась одна в кабинете. Смотрела на дверь, за которой он исчез. Потом перевела взгляд на свои руки. Они не дрожали. Она была спокойна. Впервые за три недели она знала: ее убежище раскрыто. Не для всех. Но для него.

Она не знала, хорошо это или плохо.

Она встала, взяла планшет и пошла в свою комнату. Села за стол. Открыла чертеж, над которым работала вчера.

Она работала до вечера. Не думая о муже. Не думая о полиции. Думая только о линиях, уклонах, нагрузках. О том, что она может контролировать.

В восемь вечера она выключила компьютер и вышла на улицу.

Снег пошел снова. Мелкий, злой, колючий. Она подняла воротник и пошла домой.

На полпути она остановилась. Достала телефон. Включила его. Экран засветился, и посыпались уведомления. Сорок семь пропущенных звонков. Пятнадцать сообщений. Все от одного номера. От Алексея.

Она не открыла сообщения. Она нажала на номер и заблокировала его.

Потом зашла в настройки и отключила геолокацию на всех приложениях.

Она спрятала телефон в карман и пошла дальше.

Снег бил в лицо. Она не ускоряла шаг.

Глава 2

Она работала две недели как машина.

Она приходила в офис к восьми, уходила в десять вечера. Илья приносил ей кофе и бутерброды. Она ела, не глядя, запивая холодным кофе. Она не чувствовала вкуса. Она чувствовала только линии чертежей и цифры в таблицах.

В понедельник второй недели Илья зашел в ее комнату и закрыл дверь.

— Анна, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

— Я занята.

— Это займет две минуты.

Она оторвалась от экрана и посмотрела на него. Илья мял в руках пластиковую карточку.

— Что случилось?

— У нас проблема с финансированием. «Северная строительная» задерживает оплату по договору. Я не могу выплатить вам зарплату в пятницу.

Она смотрела на него. В глазах Ильи было смущение и страх.

— Воронов знает?

— Я ему звонил. Он сказал, что вопросы финансирования решает головной офис в областном центре. Он ничего не может сделать.

— Он не может или не хочет?

— Я не знаю. Но я должен вас предупредить. Если вы хотите уйти...

— Куда я пойду? — спросила она спокойно. — В этом городе нет других архитектурных бюро.

Илья опустил глаза.

— Простите. Я правда не ожидал. Он производил впечатление человека, который решает вопросы.

— Он и решает. — Она вернулась к экрану. — Просто не те, которые мы хотим.

Она работала дальше. Илья постоял еще минуту, потом вышел.

В среду утром ей позвонил Воронов.

— Приезжайте на стадион, — сказал он без приветствия. — Через час.

— Зачем?

— Покажу кое-что. Это касается проекта.

— Я могу посмотреть на чертежах.

— Нет. Приезжайте.

Он дал адрес и положил трубку.

Она стояла в коридоре и смотрела на телефон. Ей не хотелось ехать. Она не хотела быть с ним наедине. Но он был заказчиком, а она хотела получить свои деньги. Или хотя бы понять, получит ли она их когда-нибудь.

Она взяла куртку и вышла.

Стадион находился на южной окраине города. Она знала это место. Здесь она бегала в школьные годы на уроках физкультуры. Тогда здесь была нормальная беговая дорожка, трибуны на пятьсот мест, футбольное поле. Теперь все было разрушено. Трибуны облупились, поле заросло бурьяном, торчащим из-под снега. Беговая дорожка превратилась в бетонную плиту с трещинами.

На этой плите стоял вертолет.

Маленький, черный, с затемненными стеклами. Рядом с ним стоял Воронов в черном пуховике. Он курил, глядя на город с высоты стадионной насыпи.

Она подошла. Он кивнул, не оборачиваясь.

— Посмотрите, — сказал он.

Она встала рядом и посмотрела туда, куда он показывал.

От стадиона открывался вид на восточный микрорайон. Пять пятиэтажек, котельная, пустырь, за которым начиналась промзона. Весь этот район был построен в семидесятых и не ремонтировался никогда.

— Видите пустырь? — спросил Воронов.

— Вижу.

— Там будет ваш жилой комплекс.

— Не мой. Я только делаю концепцию.

— Не важно. — Он бросил сигарету в снег. — Важно то, что вы видите то, чего не видят другие. Илья не видит. Главный архитектор не видит. Вы видите.

Она не ответила.

— Я проверил ваше прошлое, — сказал он. — Не только полицейскую ориентировку.

Она повернулась к нему.

— Вы сказали, что не лезете в чужие дела.

— Я сказал, что не лезу. Я не сказал, что не смотрю.

Она сжала зубы.

— Что вы узнали?

— Что вы лучший выпускник МАРХИ за последние десять лет. Что вы работали в бюро «Круглов и партнеры». Что ваш проект бизнес-центра на Пресне получил премию на архитектурном биеннале в Венеции. Что после замужества вы ушли из бюро и больше ничего не построили.

— Достаточно.

— Не достаточно. Я хочу знать, почему женщина с таким портфолио бежит в провинцию и работает за копейки.

Она смотрела на него. Ветер бил в лицо. Снег летел с крыш.

— Мой бывший муж, — сказала она, — запретил мне работать. Он сказал, что если я выйду из дома, то он наймет адвокатов и докажет, что я психически больна. У него были деньги на лучших адвокатов. У меня не было денег вообще. Я ушла, когда он был в командировке. Взяла документы, ноутбук, чертежи и уехала.

— Почему вы не пошли в полицию?

— Потому что он сам был полицией. Не в прямом смысле. Но его люди были везде. В прокуратуре, в судах, в адвокатских конторах. Я бы не выиграла.

— А теперь?

— Теперь он нашел меня. Вы сами сказали.

Воронов молчал. Он смотрел на пустырь, на пятиэтажки, на дым из трубы котельной.

— Вы знаете, почему меня сослали сюда? — спросил он.

— Нет.

— Я провернул сделку, которая принесла компании двести миллионов долларов. Но она была рискованной. Совет директоров не хотел рисковать. Я рискнул. Я выиграл. И меня сослали за то, что я не спросил разрешения.

Она посмотрела на него. В его голосе не было обиды. Была констатация факта.

— Вы тоже бежите? — спросила она.

— Я не бегу. Я жду. Здесь я строю проект, который принесет мне контрольный пакет. Когда я вернусь, я войду в совет директоров не как наемный менеджер, а как акционер. Это план.

— А я?

— Вы мой инструмент.

Она усмехнулась.

— Хотя бы честно.

— Я всегда честен. Это моя проблема.

Он повернулся к ней.

— Анна, я не буду вас защищать. Я не рыцарь. Но я даю вам работу, которая вернет вас в профессию. Вы сделаете этот проект, и ваше имя снова будут знать. Это все, что я могу.

— Мне больше ничего и не нужно.

— Хорошо. — Он кивнул. — Поехали. Я отвезу вас в офис.

— Я доберусь сама.

— Садитесь. — Он открыл дверцу черного внедорожника, стоящего у края стадиона. — Не упрямитесь.

Она села.

Машина была чистая, новая, с кожаным салоном и запахом дорогого освежителя. Воронов сел за руль. Он вел быстро, но аккуратно, объезжая ямы на дорогах, которых здесь было больше, чем асфальта.

— Вы получите зарплату завтра, — сказал он. — Я перевел деньги Илье сегодня утром.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это ваши деньги.

Они доехали до офиса. Она вышла из машины, не оглядываясь.

На следующий день пришло сообщение от Воронова. Короткое: «Градостроительный совет в понедельник в 10:00. Будьте готовы».

Она готовилась три дня.

Она сделала презентацию на тридцать слайдов. Она выучила все цифры. Она продумала ответы на вопросы, которые могли задать чиновники. Она знала, что городской архитектор — мужчина шестидесяти лет, который не менял свой стиль со времен Советского Союза. Он любил симметрию, прямоугольные кварталы и ненавидел все, что выходило за рамки типовых решений. Ей предстояло сказать ему, что его проект несостоятелен.

В понедельник утром она надела черный костюм, единственный, который взяла из Москвы. Он был дорогим, итальянским, сидел идеально. Она посмотрела в зеркало. Под глазами были тени, но лицо было спокойным.

Воронов ждал ее у здания администрации. Он был в сером костюме, при галстукке. Рядом с ним стоял мужчина в дешевом синем пиджаке — местный юрист, которого он нанял для сопровождения сделки.

— Вы готовы? — спросил Воронов.

— Да.

— Заходите.

Они поднялись на третий этаж. В коридоре пахло казенным учреждением: бумагой, пылью, старым линолеумом. У дверей зала заседаний стояла женщина-секретарь с блокнотом.

— Вас ждут, — сказала она. — Проходите.

Зал был большим, с высокими потолками и портретами бывших мэров на стенах. Длинный стол, покрытый зеленым сукном. За столом сидели восемь человек. В центре — главный архитектор города, полный мужчина с красным лицом и тяжелым подбородком. По бокам — чиновники из комитетов по строительству, экологии, транспорту. На отшибе — два человека в штатском, которых она не узнала.

Воронов сел слева от нее. Юрист сел сзади.

— Доброе утро, — сказал главный архитектор. — Мы собрались, чтобы рассмотреть концепцию застройки восточного микрорайона, представленную компанией «Северная строительная». Слово предоставляется господину Воронову.

Воронов встал.

— Уважаемые коллеги, — сказал он. — Я не буду тратить ваше время. Концепцию разработала наш архитектор, Анна Градова. Она представит проект.

Он сел. Все взгляды обратились к ней.

Она встала. Подошла к проектору. Включила презентацию.

— Доброе утро, — сказала она. — Я покажу вам три варианта застройки. Каждый вариант имеет свои преимущества и недостатки. Я начну с анализа участка.

Она говорила двадцать минут. Она показала геологию, рельеф, коммуникации. Она показала, почему типовое решение, предложенное городским архитектором, не может быть реализовано. Она говорила спокойно, фактами, без оценок. Она не сказала «это плохо». Она сказала «это не соответствует техническим условиям».

Главный архитектор слушал, не перебивая. Его лицо было неподвижным.

Когда она закончила, он подал голос.

— Вы утверждаете, что мой проект не соответствует техническим условиям?

— Я утверждаю, что при заявленных нагрузках фундаменты дадут осадку. Это указано в геологическом отчете, который есть у вас. Страница сорок семь.

Он открыл папку. Нашел страницу. Читал молча.

— Это рекомендательный характер, — сказал он. — Не обязательный.

— Рекомендательный характер означает, что вы можете их не учитывать, если у вас есть альтернативные решения. У вас их нет. Проект, который вы утвердили, не содержит альтернативных решений.

В зале повисла тишина.

Чиновник из комитета по экологии кашлянул.

— Молодой человек, — сказал главный архитектор, повышая голос. — Простите, девушка. Вы пришли учить нас работать?

— Я пришла представить проект. Техническое задание требует обеспечить безопасность зданий. Мой проект обеспечивает. Ваш — нет.

— Вы...

— Я архитектор, — перебила она. — Я не делаю политических заявлений. Я говорю о фундаментах, нагрузках и уклонах. Вы можете утвердить мой проект. Вы можете отклонить его. Но вы не можете изменить физику.

Она села.

Воронов смотрел на нее. Его лицо ничего не выражало.

Главный архитектор встал.

— Мы примем решение в течение недели, — сказал он. — Заседание окончено.

Чиновники начали собирать бумаги. Воронов подошел к главному архитектору и что-то сказал ему на ухо. Тот кивнул, не глядя на него. Потом вышел, не прощаясь.

Она стояла у окна и смотрела на площадь перед администрацией.

— Вы были резки, — сказал Воронов, подходя.

— Я сказала правду.

— Правда здесь никому не нужна.

— Тогда зачем вы меня сюда привели?

Он не ответил. Он достал телефон, посмотрел на экран, убрал.

— Поехали, — сказал он.

— Нет. Я пойду пешком.

Она вышла из здания и пошла по улице Советской. Ноги не слушались. Она не чувствовала холода. В голове прокручивалась сцена в зале заседаний. Она сказала то, что думала. Она не жалела. Но она понимала, что, возможно, только что проиграла этот контракт.

Телефон завибрировал. Сообщение от Воронова: «Будьте в офисе завтра в 8. Надо доработать».

Она не ответила.

Она шла по городу. Снег таял. С крыш падала вода. В воздухе пахло весной, хотя до весны было еще далеко. Она свернула на улицу Ленина, подошла к своему подъезду и остановилась.

У дверей стояла машина. Серая «Тойота» с тонированными стеклами. Номера московские.

Ее сердце забилося быстрее.

Она прошла мимо, не останавливаясь. Зашла в соседний подъезд, поднялась на второй этаж и выглянула в окно. Из «Тойоты» никто не выходил. Машина стояла с работающим двигателем.

Она достала телефон. Набрала номер Воронова.

— Что случилось? — спросил он.

— У моего дома стоит машина с московскими номерами.

— Вы знаете, чья?

— Нет. Но я никому не говорила, где живу. Кроме вас.

— Вы думаете, я сказал?

— Я не знаю, что думать.

— Сидите в квартире. Не выходите. Я приеду через пятнадцать минут.

Она хотела сказать, что не просила его приезжать. Но трубка уже отключилась.

Она вышла из подъезда, прошла через дворы и зашла в свою парадную с другой стороны. Поднялась на четвертый этаж. Закрыла дверь на все замки. Села на кухне и стала смотреть в окно.

Через десять минут она увидела черный внедорожник Воронова. Он подъехал к ее дому, встал за «Тойотой». Вышел. Подошел к серой машине и постучал в стекло.

Стекло опустилось. Она не видела, кто сидел внутри. Воронов наклонился, что-то сказал. Потом выпрямился. Достал телефон, набрал номер.

Ее телефон зазвонил.

— Выходите, — сказал Воронов.

— Кто это?

— Выходите. Все нормально.

Она спустилась вниз. Воронов стоял у своей машины. Рядом с ним стоял мужчина в черной куртке. Она его не узнала.

— Это мой человек, — сказал Воронов. — Он приехал из Москвы проверить безопасность проекта. Я не знал, что он остановится у вашего дома. Простите.

Мужчина кивнул. Она посмотрела на него. Лицо было невыразительным, глаза — спокойные. Он был похож на охранника или бывшего военного.

— Почему он приехал на машине с московскими номерами? — спросила она.

— Потому что он из Москвы, — сказал Воронов. — Анна, я не враг вам. Я сказал: я не лезу в чужие дела. Но я обеспечиваю безопасность своей инвестиции. Вы — моя инвестиция.

— Я не вещь.

— Я знаю. Поэтому я приехал сам и все объяснил.

Она смотрела на него. Она не знала, верить или нет. Но она устала бояться.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

Она повернулась и пошла в подъезд.

— Анна, — окликнул Воронов.

Она остановилась.

— Завтра в восемь, — сказал он. — Мы победим.

Она не ответила. Она вошла в подъезд и закрыла за собой дверь.

Ночью она не спала. Она лежала на диване и слушала, как ветер бьет в окно. В голове были не чертежи. В голове было лицо Алексея, ее бывшего мужа. Она вспоминала, как он

смотрел на нее в последний раз перед командировкой. Спокойно, уверенно, как на вещь, которая никуда не денется.

Он ошибался. Она ушла.

Но теперь он искал.

В пять утра она встала, оделась и вышла. Она хотела проверить, стоит ли еще серая «Тойота». Машины не было. На ее месте была черная «Ауди» с тонированными стеклами. Она прошла мимо, не глядя. Она знала, что это тоже Воронов. Он поставил охрану у ее дома.

Она не просила об этом. Но она не возражала.

В восемь утра она была в офисе.

Воронов пришел в девять. Он был без галстука, в свитере. Выглядел уставшим, но бодрым.

— Я разговаривал с главным архитектором, — сказал он. — Он согласится. Но нужно время.

— Сколько?

— Неделя. Может, две.

— У нас нет двух недель. Конкурс через месяц.

— Я знаю. Я найду способ.

Она посмотрела на него.

— Вы всегда все контролируете?

— Стараюсь.

— Это утомляет.

— Это единственный способ не проиграть.

Он сел напротив нее, положил на стол планшет.

— Давайте работать, — сказал он.

Они работали до вечера. Она чертила, он смотрел, задавал вопросы, иногда спорил. Она заметила, что он быстро схватывает технические детали. Он не был архитектором, но понимал логику строительства. Это было неожиданно.

— Вы учились на инженера? — спросила она.

— Нет. Я учился на экономиста. Но я строил три завода и два жилых комплекса. Когда строишь, быстро понимаешь, что архитектор — это главный человек на площадке. Без хорошего архитектора даже лучший инженер построит коробку.

— А без хорошего заказчика архитектор построит памятник своему эго.

Он усмехнулся.

— Это вы про меня?

— Это я про всех.

Он посмотрел на нее. В его глазах было что-то новое. Не уважение — она видела уважение и раньше. Это было что-то другое. Она не стала разбираться.

— Я пойду, — сказала она. — Устала.

— Я отвезу.

— Нет. Я пешком.

Она встала, взяла куртку. Воронов тоже встал.

— Анна, — сказал он. — Завтра у меня день рождения.

Она посмотрела на него.

— Поздравляю.

— Я не жду поздравлений. Я хочу, чтобы вы пришли.

— Куда?

— Ко мне. Я снимаю дом на окраине. Будут партнеры, чиновники. Я хочу, чтобы вы были.

— Зачем?

— Чтобы они знали, кто делает проект. Это важно.

Она помолчала.

— Я подумаю, — сказала она.

— Хорошо.

Она вышла. На улице было темно. Фонари горели тускло. Она шла быстрым шагом, глядя под ноги. На перекрестке она остановилась. Посмотрела на небо. Звезд не было. Только низкие тучи, подсвеченные снизу огнями города.

Она подумала о дне рождения. О том, что последние три года она отмечала дни рождения с Алексеем. Он дарил ей дорогие подарки, водил в рестораны, говорил красивые слова. А потом возвращался домой и проверял ее телефон.

Она не хотела праздников. Она хотела работы.

Но она знала, что Воронов не приглашает ее просто так. Он приглашает, потому что хочет показать: она его человек. В этом городе это означало защиту. И она приняла решение.

Она достала телефон и написала: «Я приду. Во сколько?»

Ответ пришел через минуту: «В 7. Я пришлю машину».

Она убрала телефон и пошла домой.

В подъезде пахло сыростью. Она поднялась на четвертый этаж, открыла дверь, вошла. В квартире было холодно. Она включила чайник, села на подоконник и стала смотреть на улицу.

Черная «Ауди» все еще стояла внизу. В салоне горел слабый свет — охранник читал книгу или смотрел телефон.

Она не знала, защита это или слежка. Но сегодня ей было все равно.

Чайник закипел. Она сделала чай, села на диван и открыла ноутбук. Она работала до двух часов ночи.

Перед сном она посмотрела в окно. «Ауди» стояла на месте. Свет в салоне погас. Охранник спал.

Она закрыла шторы и легла.

Глава 3

Машина приехала в шесть тридцать.

Она смотрела в окно и видела, как черный «Мерседес» остановился у подъезда. Из него вышел водитель в темной куртке, посмотрел на окна четвертого этажа, потом вернулся в машину и заглушил двигатель.

Она не спешила.

Она надела черное платье, которое не надевала два года. Оно висело в шкафу с того самого вечера, когда Алексей сказал, что в этом платье она выглядит как девушка по вызову. Она тогда не переделась. Он разорвал платье на плече. Она зашила его сама, кривыми стежками, потому что не хотела обращаться в ателье и объяснять, что случилось.

Шов был виден, если присмотреться. Она не стала его прятать.

Она надела туфли на каблуках. В них было холодно, но она хотела чувствовать себя уверенно. В этом городе никто не носил каблуки в феврале. Это было ее оружие.

Внизу она села на заднее сиденье. Водитель не спросил адрес. Он просто поехал.

Дом Воронова стоял на окраине, в бывшем поселке лесозаготовителей. Это был старый деревянный особняк, который кто-то недавно отремонтировал. Фасад обшили темным деревом, поставили металлическую крышу, вставили большие окна. Внутри горел свет. У ворот стояло пять машин: три внедорожника с местными номерами, одна «Тойота» с областного центра и длинный черный седан без номеров.

Водитель открыл дверь. Она вышла.

У входа стоял Воронов. Он был в темно-синем костюме, белой рубашке, без галстука. В руке держал бокал с чем-то темным. Увидев ее, он кивнул.

— Вы пришли, — сказал он.

— Я обещала.

— Заходите.

Внутри было тепло и пахло деревом. Полы из широкой доски, стены не оштукатурены, только обработаны маслом. Мебель простая, дорогая: кожаные диваны, дубовый стол, на стенах — черно-белые фотографии городских пейзажей. Она узнала на одной из них свой родной город, снятый с высоты. Это был старый снимок, еще с заводской трубой, которую снесли десять лет назад.

В гостиной было человек двенадцать. Мужчины в костюмах, две женщины в вечерних платьях. Все старше ее, все с лицами людей, которые привыкли принимать решения. Они стояли группами, пили, говорили. Когда она вошла, несколько человек повернули головы.

Воронов взял ее под локоть. Легко, почти не касаясь.

— Пойдемте, я представлю вас.

Он подвел ее к высокой группе у камина. Там стоял мужчина лет пятидесяти с седой бородкой и дорогими очками. Воронов сказал:

— Сергей Иванович, это Анна Градова, наш архитектор. Та самая, которая сделала концепцию.

Сергей Иванович посмотрел на нее поверх очков.

— Та самая, которая принесла проект главного архитектора на совете?

— Да, — сказала она.

— Смело.

— Это не смелость. Это профессионализм.

Сергей Иванович усмехнулся.

— Мне нравятся такие женщины. — Он протянул руку. — Сергей Иванович Козлов. Глава комитета по инвестициям областного правительства.

Она пожала руку.

— Очень приятно.

— Вы надолго к нам? — спросил Козлов.

— Я здесь живу.

— Воронов, вы умеете находить людей. — Козлов повернулся к Воронову. — Где вы ее нашли?

— Она сама нашлась, — сказал Воронов.

Он не уточнял. Она была благодарна.

Следующие два часа она пила шампанское, говорила с людьми, чьи имена ничего ей не говорили, и улыбалась. Она улыбалась чиновникам из мэрии, которые смотрели на нее с опаской. Она улыбалась подрядчикам, которые хотели понять, насколько она опасна для их интересов. Она улыбалась женщинам, которые оценивали ее платье и туфли и делали выводы.

Воронов держался рядом, но не мешал. Он появлялся, когда кто-то задавал технический вопрос, и исчезал, когда разговор переходил в дружеское русло. Он не пил. Она заметила это. За весь вечер он сделал два глотка из своего бокала и больше не прикасался.

В одиннадцать часов гости начали расходиться.

Она стояла у окна и смотрела, как машины одна за другой выезжают за ворота. Воронов подошел сзади. Она услышала его шаги по деревянному полу.

— Вы хорошо держались, — сказал он.

— Я всегда хорошо держусь.

— Козлов хочет, чтобы вы выступили на инвестиционном совете в областном центре.

Через две недели.

Она повернулась.

— Зачем?

— Там будут люди, которые решают, куда пойдут бюджетные деньги. Если они увидят проект, который вы сделали, они захотят вложиться. Это увеличит бюджет в два раза.

— Я архитектор, а не лоббист.

— Сейчас вы и то, и другое.

Она посмотрела на него. Он стоял в двух шагах, с бокалом в руке. В свете камина его лицо было мягче, чем днем. Морщины у рта казались не такими глубокими.

— Вы пригласили меня на день рождения, чтобы показать Козлову? — спросила она.

— Я пригласил вас, чтобы вы поняли: здесь вы не одна. У вас есть команда. У вас есть защита. Я.

— Я не просила защиты.

— Вы не просили. Но она вам нужна.

Она хотела возразить. Но вспомнила серую «Тойоту» у своего подъезда. Вспомнила, как смотрела на нее из окна соседнего подъезда, сжимая телефон. Она промолчала.

— Спасибо за вечер, — сказала она. — Мне пора.

— Я отвезу.

— Нет. Я возьму такси.

— В этом городе нет такси в час ночи. Я отвезу.

Он взял ключи со стола. Она не стала спорить.

В машине они молчали. Он вел медленно, аккуратно объезжая ямы. Снегопад прекратился. Небо прояснилось, и на нем появились звезды. Она смотрела в окно на темные дома, на редкие фонари, на пустыри, залитые лунным светом.

— Красиво здесь, — сказал Воронов.

— Что?

— Вы смотрите на город, как на чертеж. Я заметил. Вы видите линии, которые никто не видит.

— Это моя работа.

— Нет. Это ваш дар.

Она посмотрела на него. Он смотрел на дорогу, но она чувствовала, что он видит ее.

— Почему вы не женились? — спросила она.

Вопрос вырвался сам. Она не планировала его задавать.

Он помолчал.

— Был женат. Развелся.

— Давно?

— Пять лет.

— Почему развелись?

— Я работал по восемнадцать часов. Она хотела внимания. Я не мог дать. Она ушла к другому.

— Вы жалеете?

— Нет. Каждый делает выбор.

Она поняла, что он говорит не только о себе.

Машина остановилась у ее подъезда. Черная «Ауди» все еще стояла на своем месте. Воронов посмотрел на нее, кивнул.

— Мой человек на месте. Спите спокойно.

— Я сплю спокойно.

— Не спокойно. Я видел свет в вашем окне в три часа ночи. Вы работаете.

— Откуда вы знаете, в котором часу у меня горит свет?

Он не ответил. Он просто посмотрел на нее, и она поняла. Он тоже не спал. Он смотрел на ее окна из темноты. Как она смотрела на черную «Ауди» внизу.

— Спокойной ночи, Анна, — сказал он.

— Спокойной ночи.

Она вышла из машины и вошла в подъезд. На лестнице было темно. Она шла на ощупь, держась за перила. На втором этаже она остановилась. Сердце билось быстрее, чем нужно. Она прислонилась лбом к холодной стене и стояла так минуту.

Потом поднялась на четвертый этаж. Открыла дверь. Вошла. Закрылась.

Она не включила свет. Она прошла в гостиную, села на диван и смотрела в окно. Внизу горели фары — «Мерседес» Воронова разворачивался. Потом фары погасли, и машина уехала.

Черная «Ауди» осталась.

Она легла. Спать не хотелось. Она лежала и думала о том, что сказал Воронов. О его бывшей жене, которая ушла к другому. О том, как он смотрел на ее окна в три часа ночи.

Она не знала, что это было. Внимание. Контроль. Или что-то еще.

Она закрыла глаза и заставила себя не думать.

Утром она проснулась от звонка в дверь.

Было восемь часов. Она накинула халат, подошла к двери, посмотрела в глазок. На площадке стоял Илья.

Она открыла.

— Что случилось?

— Доброе утро. — Илья выглядел взволнованным. — Вы не отвечаете на телефон. Воронов просил передать, что сегодня встреча переносится на час дня. И еще...

— Что?

— Он сказал, чтобы вы не ходили в офис до обеда.

— Почему?

— Не сказал. Просто сказал: не ходите.

Она посмотрела на Илью. Его лицо было бледным. Он мял в руках шапку.

— Илья, что происходит?

— Я не знаю. Правда. Он позвонил в семь утра, сказал передать. И все.

— Хорошо. Я останусь дома.

Илья кивнул и ушел. Она закрыла дверь.

Она не стала ждать до часа дня. Она оделась, выпила чашку кофе и в половине одиннадцатого вышла из дома. Черная «Ауди» все еще стояла внизу. Она постучала в стекло. Охранник опустил стекло.

— Что происходит? — спросила она.

— Я не знаю, Анна Андреевна. Мне сказали не пускать вас в офис до обеда.

— Кто сказал?

— Андрей Сергеевич.

Она посмотрела на охранника. Мужчина лет сорока, с короткой стрижкой и спокойными глазами. Он не врал.

— Тогда отвезите меня к нему.

— Он просил не приезжать.

— Отвезите меня к нему, или я пойду пешком.

Охранник помолчал. Потом кивнул.

— Садитесь.

Она села на заднее сиденье. «Ауди» плавно выехала со двора и направилась в сторону окраины.

Дом Воронова выглядел иначе, чем ночью. При дневном свете он казался меньше, проще. У ворот стояла знакомая «Тойота» с московскими номерами. Охранник открыл дверь, и она вошла без стука.

В гостиной было трое: Воронов, мужчина в черной куртке, которого она видела у своего подъезда, и еще один мужчина, сидевший в кресле у камина. Он был одет в дорогой костюм, но выглядел нелепо — галстук съехал набок, лицо было красным.

Воронов стоял у окна. Увидев ее, он нахмурился.

— Я просил не приезжать.

— Я не люблю, когда мне указывают.

Мужчина в кресле поднял голову. Она узнала его. Это был Алексей.

Он встал. Шатаясь. Он был пьян, хотя было только одиннадцать утра.

— Аня, — сказал он. — Ну вот я и нашел тебя.

Она не двинулась с места. Она смотрела на него. Он изменился за три недели. Похудел, осунулся. Под глазами были мешки. Костюм висел на нем, как на вешалке.

— Как ты нас нашел? — спросила она.

— Через Воронова. Я нанял детектива. Детектив нашел, что ты работаешь на его компанию. Я приехал поговорить.

— Мы уже все сказали.

— Нет, не все. — Алексей шагнул к ней. — Ты не имела права уходить. Я муж. Я отвечаю за тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.